

**ИЛЬИН Е. П. и ЗУБКОВСКАЯ С. А.
— ПЕШКОВОЙ Е. П.**

ИЛЬИН Евгений Павлович, родился в 1870-х. Окончил Лазаревский институт восточных языков и Николаевскую академию Генштаба. Служил в Финляндском полку, с 1914 — на фронте в чине капитана, с 1918 — служил в Красной армии, в 1919-1920 — работал в Наркомате внешне торговле, затем — преподавал во Всеобуче. Женат, в семье — двое детей, с 1922 — в разводе с женой. В 1923 — женился на Софье Александровне Зубковской; проживал с женой в Петрограде, работал в Военно-Технической Академии и университете. 19 июля 1927 — арестован, 24 марта 1928 — приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан и отправлен в Кзыл-Орду.

ЗУБКОВСКАЯ (урожд. Стюарт) Софья Александровна, родилась в Бессарабии. Окончила гимназию, прослушала курсы истории и литературы в Сорбонне (Париж). Пианистка и певица, с 1914 — сестра милосердия Кауфмановской общины. Замужем за полковником Сергеем Андреевичем Зубковским, позднее в разводе. С 1919 — служила делопроизводителем в конторах Петрограда, затем преподавала иностранные языки в Высшей школе связи, ФЗУ. В 1923 — вышла замуж за Евгения Павловича Ильина. 10 июня 1927 — арестована, 18 июля приговорена к 3 годам ссылки в Сибирь и отправлена в село Уват Тобольского округа.

В июне 1928 — Евгений Павлович Ильин обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

«18 июня 1928 г<ода>

г<ород> Кзыл-Орда. Ильина
Евгения Павловича (б<ывшего>
преподавателя воен<ных> наук
Военно-Техн<ической> Академии
им<ени> т<оварища> Дзержинского

Глубокоуважаемая
Екатерина Павловна!

Побуждают меня обратиться к Вам два обстоятельства:

1) Ваша общественная роль, деятельность по оказанию помощи ссыльным и заключенным и та сердечная отзывчивость к их горестям и несчастьям, слухи о которой докатились до нас, несмотря на три тысячи к<ило>м<етров> расстояния.

2) Служба с Вами и под Вашим руководством (в 1919-1920 г<одах>) в Нарком<ате> внеш<ней> торг<овли> в экспортном отделе в комиссии, где я вместе с Ходасевичем, <нрзб.> и др<угими> был экспертом по предметам старины и искусства), и еще более того сравнительно близкое знакомство с Вашим сыном Максимом Алексеевичем, кот<орого> знал еще ранее и с кот<орым> служил вместе, когда он был комиссаром школы инструкторов спорта и физкультуры, созданной под моим руководством же. Он, вероятно, меня хорошо помнит, т<ак> к<ак> часто бывал у меня по делам школы.

Со мной случилось несчастье — иначе назвать не могу. После 10-ти летней непрерывной службы на высших командных должностях (и административно-педагогических) в Красной Армии, в кот<орую> поступил добровольно с начала 1918 г<ода>, я был арестован, просидел 9½ мес<яцев> в тюрьме вместе с женой и затем отдельно от нее, оторванный

от детей, с кот<орыми>, как и с женой, не дали проститься, по этапу выслан на 3 г<ода> в Казахстан.

До этого я получал неоднократно по службе выдающиеся аттестации, пользовался доверием и расположением таких крупных парт<ийных> деятелей, как т<оварищи> Подвойский, Механошин и др<угие>.

Не только ни разу не был арестован, но даже обыску ни разу не подвергался.

Дело мое заключалось в след<ующем>.

В 1922 г<оду> я разошелся с первой женой и перевелся в Ленинград, где познакомился, горячо полюбил и через год стал жить как с женой с Софьей Александровной Зубновской.

10 июня 1927 г<ода> в связи с массовыми арестами (убийство Войкова) она была арестована, и ей было предъявлено обвинение в шпионаже. Зная полную абсурдность подобного обвинения, страшно беспокоясь за ее участь, начал хлопотать об освобождении и, в конце концов, подал рапорт члену Р<еволюционного> В<оенного> С<овета> с просьбой арестовать и меня, если ее не освободят, т<ак> к<ак> я виноват столько же, сколько и она.

На это н<ачальник> Ос<обого> Отд<ела> Окр<уга> в приемной этого лица ответил: "Ваше имя безупречно, против вас нет никаких материалов, и о вашем аресте не может быть и речи". — "Если против меня нет материалов, дайте мне возможность доказать, что имя моей жены безупречно", — возразил я. — "А как?" — "Позвольте мне поговорить со следователем, ведущим дело жены". — "Это ваше право", — был ответ. Через час я был у следователя, и там меня арестовали по самому удивительному поводу (мне поставили в вину моего шпионажа факт, что года 4 назад я пытался получить, а не передать! — из-за границы через отъезжающего финна воинских уставов Германии и Финляндии — не секретных! — для академии, где был преподавателем).

Был в июле один допрос, самый поверхностный, по окончании кот<орого> следователь заявил, что на днях буду освобожден! После этого однако мне вскоре предъявили два тягчайших обвинения: и в принадлежности к к<онтр>рев<олюционной> группировке, и шпионаже, но ни одного конкретного факта, случая, лица не было указано.

И вот я просидел с 19 июля 1927 г<ода> по 12 апреля 1928 г<ода>, не будучи больше ни разу допрошен по существу этих обвинений, а ведь принадлежал к высшему ком<андирскому> составу. Мало того, в таком же положении была и моя жена, и оба были уверены в освобождении. Вместо этого ее сослали на Урал, и она очутилась в с<еле> Уватское Тобольского округа, а меня в Казахстан (постановление Коллегии ОГПУ от 16 марта). Ссылка на Урал и в Казахстан убедили нас в несостоятельности обвинения в к<онтр>рев<олюции> и шпионаже, тем более, что оба получили минимальные сроки — 3 г<ода>. За шпионаж ведь минимум Сибирь, Соловки!

Но положение наше оказалось тяжелым, двое детей моих (дочь 13 л<ет> и сын 6 л<ет>) очутились в беспомощном положении, и сейчас еще дочь пишет, что "не каждый день обедает".

Я надорвал силы и болен, страдаю острой формой невралгии, подагрой, склерозом и сильным расширением сердца.

Выслан был прямо из лазарета, и сейчас врачи признают необходимым лечь в больницу. Жена в селе заработать не может, поддержать ее и малолетних детей нет сил и в положении ссыльного почти невозможно.

Между тем я имею все-таки осязательные заслуги. Я был пионером милиционного строительства, первым пропагандистом допризывной подготовки и организатором ее; мною были разработаны напечатанные

первые проекты реорганизации вооруженных сил СССР, под моим непосредственным руководством сформированы две территориальные дивизии. Я читал массу лекций по миллицейской системе и территориальному строительству, был штатным преподавателем в 5 военных Академиях и многочисленных вузах; реорганизовал (как востоковед) Восточный отдел Военной Академии, проводил военизацию в гражданских Высших Учебных Заведениях; массу сделал по физической культуре, был одним их основателей Высшего Советского Физической Культуры и первым ученым секретарем по избранию. Наконец, с 1924 года состою в секции ученых, имею несколько трудов. И за все это, за то, что отдавал все силы и здоровье, все время и досуг Советской работе, так жестоко пострадал! В сущности, мне совершенно не известно, за что сидел и сослан. Мне не только не сообщили ни одного факта преступных действий, так как следствие велось как-то помимо меня, но и причину высылки.

Все изложенное, несчастье детей и моей жены, которая сама 10 лет состояла в профсоюзе и 9 лет на Советской службе, дают основание настоятельно просить Вас, если нельзя добиться нашего полного освобождения, ходатайствовать о разрешении жене переехать ко мне, как она сама просила Вас. Мы не были врагами Советской власти, все время мы честно трудились на пользу ее. Помогите же нам снова вернуться к трудовой жизни, с которой нас сорвали столь незаслуженно. Повторяю, жена моя (Софья Александровна Зубковская) лично просила Вас об этом письменно, и ее просьбу всецело поддерживаю я. Если возникнут вопросы или не откажете в любезности ответить, посему прилагаю открытку.

Искренне Вас уважающий Е. Ильин»¹.

В июле 1928 — Евгений Павлович Ильин обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<19 июля 1928>

«Глубокоуважаемая
Екатерина Павловна!

Ровно месяц назад заказным письмом на Ваше имя я просил Вашего содействия и ходатайства о разрешении жене моей, Софии Александровне Зубковской, проживающей в селе Уват Тобольского округа Уральской области, переехать ко мне. Мы оба были высланы в начале апреля из Ленинграда на 3 года: она на Урал, я в Казахстан.

Мы оба ни в чем неповинны, а я даже не знаю, за что просидел 9 месяцев в тюрьме после 10 летней беспорочной службы в Красной Армии, разлучен с женой и детьми и страдаю сейчас!

Зная Вас и еще более Вашего сына по совместной службе (с Вами в Наркомате Внешней торговли), с ним по школе Всеобуча, где он был комиссаром), я очень рассчитывал, что Ваша обычная доброта не исключит и моей просьбы из круга своего попечения, однако, до сих пор не имею никакого ответа.

Меня лично и хорошо знали товарищи Подвойский и Нрзб., менее — заместитель Наркомвоен С. С. Каменев.

Быть может, моя ошибка заключается в том, что я не приложил в тот раз официального заявления, потому спешу ее исправить.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 236. С. 198-199. Автограф.

Еще раз настоятельно позволяю себе просить Вас помочь нам, т<ак> к<ак> жена сообщила, что со своей стороны еще ранее меня просила Вас о том же.

Поймите, что нет сил переносить столь незаслуженную судьбу и очутиться после тюрьмы в ссылке в разлуке с детьми и женой, которая совершенно больна и нуждается в лечении, нуждается в поддержке. Сам я полубольной, вынужден содержать двух детей (дочь 14 л<ет> и сына 7 л<ет>), кот<орые> в Москве, и помогать жене.

Искренне Вас уважающий Е. Ильин.

Мой адрес: Казахстан, Кызыл-орда, Госплан, научному секретарю, Евгению Павловичу Ильину»².

В тот же день Евгений Павлович Ильин направил второе письмо Екатерине Павловне Пешковой.

<19 июля 1928>

«Уполномоченной О<бщест>ва Красного Креста
Екатерине Павловне Пешковой

Адм<инистративно> ссыльного
Ильина Евгения Павловича (адрес
Кзыл-Орда, Госплан, ученый секретарь)

Заявление

Вторично прошу Вашего ходатайства о разрешении жене моей Софии Александровне Зубковской, высланной вместе со мною из Ленинграда, где я занимал должность преподавателя Военно-Технической Академии, а она преподавала в фабзавуче "Кр<асной> Газеты", — в апреле с<его> г<ода> и проживающей в с<еле> "Уват" Тобольского округа Уральской области, переехать на жительство ко мне.

Мотивы ходатайства, помимо сознания отсутствия вины, заключается в тяжелых условиях, т<ак> к<ак> двое детей (сын — 7 л<ет> и дочь — 14 л<ет>) остаются в Москве, а жена в довершение несчастья больна (болезнь сердца и острый ревматизм) и не только нуждается в перемене климата на более южный, но и в систематическом лечении.

Просидев 3 м<есяца> в тюрьме, я, полубольной в результате двух войн, сам нуждаюсь в отдыхе и лечении, а мне приходится из последних сил работать, чтобы поддерживать жену и детей, живя на разных домах. 10 лет прослужил на должностях высшего состава Кр<асной> Армии и был участником строительства ее, с 1924 г<ода> состою в секции ученых Ленинграда, и неужели не могу просить только о том, чтобы жене разрешили высылку в место, где я живу и служу снова на ответственной научной работе (научный секретарь Госплана).

Е. Ильин.

"19" июля 1928 г»³.

В ноябре 1928 — к Екатерине Павловне Пешковой вновь обратилась за помощью Софья Александровна Зубковская.

<19 ноября 1928>

«Село Уват
Тобольского округа

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 236. С. 195. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 236. С. 196. Автограф.

Глубокоуважаемая Екатерина Павловна, из Свердловска месяц тому назад я обратилась к Вам с просьбой осведомиться о месте ссылки моего мужа, бывшего преподавателя Ленингр<адских> Военных Академий и исходатайствовать мне соединение с мужем. Я узнала, что муж находится в Кзыл-Орде. До сих пор я еще не получила писем от него; да удивительного в этом ничего нет, так как ему было трудно меня поймать; я ехала более 5 месяцев до места ссылки. Я совершенно измучилась, т<ак> к<ак> из-за каменного пола Ленинградского ДПЗ у меня сильные ревматические боли в ногах, а от клопных укусов у меня до сих пор упорная нервная сыпь по всему телу, которая не дает мне покоя ни днем, ни ночью.

Н<ачальни>ж ОГПУ в Тобольске обещал оставить меня из-за плохого здоровья в Тобольске и через Москву исходатайствовать мне разрешение соединиться с мужем. Пока он отправил меня сюда; что дальше будет — не знаю. Здесь я чувствую себя плохо; кругом все залито, из-за сырости у меня настолько усилились ревматические боли, что еле передвигаю ноги.

Милая, добрейшая Екатерина Павловна, не знаю, получили ли Вы мое письмо, в котором я изложила Вам суть моего дела. Повторю его в нескольких словах. Как Вам известно, моя родина — Бессарабская губ<ерния> — находится с 1918 г<ода> в руках Румын<ии>; они не пропускали корреспонденции ни из России, ни в Россию. Моя мать сильно мучилась этим, не получая известий от меня. Я воспользовалась предложением архивариуса Финской миссии в Ленинграде К. А. Илелена и через него препроводила письмо маме самого частного, невинного характера; я писала маме, что мне живется хорошо (между тем, я голодала, п<отому> ч<то> приходилось содержать моего младшего брата А<лександр>ра Стюарт и 2-х двоюр<одных> братьев Влад<имира> Дм<итриевича>⁴ и Николая Дм<итриевича>⁵ Стюарт, томившихся в ДПЗ с 16/VI до 11/II-1920, когда их расстреляли), что я не нуждаюсь и что, как только получу разрешение, приеду к ней. Через 6 недель Илелен привез ответ; мама умоляла меня беречь себя и, лишь только представится возможность, приехать к ней. Меня арестовали в Лен<ингра>де 10/VI 1927 г<ода>, держали до 5/IV 1928 г<ода> (при том, был всего один допрос 13/VI и 18/VII мне представили обвинение о "шпионаже в пользу Финляндии и нелегальной связи с монархич<ескими> деятелями за кордоном", я никогда такими делами не занималась, даю Вам честное слово). Следователь обвинил меня в получении секретных военных дан<ных> от генштабистов и в передаче их за границу. Наглая, возмутительная ложь! Я занималась военными переводами с англ<ийского>, немецк<ого> и франц<узского> языков для диссертации и ученых трудов моего мужа, преподавателя военных наук в Ленингр<адских> военн<ых> академиях, Евгения Павловича Ильина. Моего мужа прекрасно знают т<оварищ> Подвойский, правой рукой которого по Всеобучу был мой муж, и С. С. Каменев, для которого муж написал свой последний труд "Артиллерийское

⁴ Стюарт Владимир Дмитриевич. Барон. Окончил Александровский Царскосельский лицей. Служил в канцелярии Совета министров в звании камер-юнкера, с 1917 — работал грузчиком на железной дороге в Петрограде. 16 июня 1920 — арестован и заключен в тюрьму. Федор Шаляпин ходатайствовал о его освобождении, ручаясь за него. 11 января 1920 — расстрелян накануне декрета об амнистии. Шаляпин Ф.И. Маска и душа. М.: Московский рабочий, 1989. С. 84, 219-220.

⁵ Стюарт Николай Дмитриевич. Барон, брат Владимира Дмитриевича. Окончил Александровский Царскосельский лицей и медицинский факультет Харьковского университета. Работал врачом в больнице Петербурга. Коллекционер, друг Ф. И. Шаляпина. С 1917 — работал грузчиком на железной дороге в Петрограде. 16 июня 1920 — арестован и заключен в тюрьму. Федор Шаляпин ходатайствовал о его освобождении, ручаясь за него. 11 января 1920 — расстрелян накануне декрета об амнистии. Шаляпин Ф.И. Маска и душа. М.: Московский рабочий, 1989. С. 84, 219-220.

сопровождение". Муж ученый, много трудов написал, провел территориальную систему Всеобуча и т<ому> п<одобное>, кроме 3 <трех> Академий преподавал военизацию в Полит<ехническом> институте и университете, был в секции ученых, в Историч<еском> о<бщест>ве. Вся вина его в том, что он потребовал моего освобождения 19/VII-1927 г<ода>. Его тут же на Гороховой арестовал следователь, препроводил в ДПЗ, посадил его в подвал, в котором несчастный провел 10 дней, потом около 8 месяцев в ДПЗ, и 11/IV-1928 г<ода> отправили его в ссылку в Казахстан на 3 года с зачетом предвар<ительного> заключения без амнистии и обжалования. Мой приговор такой же, но на Урал. За что такой ужас, такая несправедливость? Муж окончил Лазаревский Институт восточн<ых> языков первым и старую Академию Генер<ального> Штаба по I разряду, всю жизнь трудился. Я окончила Бессарабскую 8 кл<ассную> гимназию и прослушала курс истории и литературы в Париже в Сорбонне. Знаю 5 иностр<анных> языков — франц<узский>, англ<ийский>, немецк<ий>, румынский и итальянский. Я пианистка и певица; была сестрой милосердия Кауфмановской общины 5 лет. Преподавала иностр<анные> языки в ФЗУ "Кр<асной> Газеты" 4 последние года, а до этого иностр<анные> яз<ыки> в Высшей школе связи. Служила последние 10 лет делопроизв<одителем>, секретарем, счетоводом, все время состояла в союзе⁶. И последнее время, кроме военных переводов, писала технич<еский> перевод с немецк<ого> яз<ыка> по наборному делу. Мы с мужем обедали в 11-12 ч<асов> ночи, целый день работали, зачастую и ночи. Не посещали ни театров, ни кино, ни концертов, не имели свободного времени. И наша трудовая честная жизнь привела нас на скамью подсудимых. Кошмар! Мы оба настолько больны и пострадали, что не вынесем этой пытки, этой несправедливости вопиющей. Мы никогда не участвовали в антиправительственных организациях, никогда не занимались политикой. Мы интересовались лишь наукой. Я дочь ученого — мой отец работал под руководством проф<ессора> Мечникова и Ковалевского, был д<окто>ром естественных наук и философии; учредил в Бессарабии о<бщест>во садоводства и плодоводства, выстроил известную Костюженскую больницу для 2000 умалишенных, музей в Кишиневе, работал в земстве. Его несчастная младшая дочь, — я, мучается в ссылке безвинно!

Умоляю Вас, добрейшая Екатерина Павловна, заступиться за нас и исходатайствовать нам, если не освобождения или амнистии, то нашего соединения. Мы не вынесем разлуки, а я этого сурового климата. Ваша отзывчивость известна всей России. Я здесь прозябаю без книг, без нот (люблю лишь классич<ескую> музыку). Плачу без конца — сильная неврастения, миокардит, ревматизмы. Зубы безумно болят, разрушилось 5 зубов в ДПЗ (там подавали первую помощь, даже не ставили временных пломб), а здесь нет зубного врача. Ужас!

Сжальтесь, дорогая, над нами! Вы наша единственная заступница.

Буду ждать с нетерпением Вашего ответа.

Село Уват Тоб<ольского> округа,
Софья Ал<ександ>ровна Зубковская»⁷.

18 октября 1928 — Софье Александровне Зубковской было разрешено переехать к мужу, но через две недели, 1 ноября, Евгений Павлович Ильин был переведен в Кустанай. В марте 1929 — супруги Евгений Павлович Ильин и Софья Александровна Зубковская обратились к Екатерине Павловне Пешковой вместе.

⁶ Имеется в виду профсоюз.

⁷ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 228. С. 246-248. Автограф.

«От Софьи Александровны и
Евгения Павловича Ильиных.
Кустанай, до востребования.

27 марта 1929 г<ода>

Милая и Добрейшая Екатерина Павловна!

Когда полгода назад мы с женой от всего сердца благодарили Вас за то, что благодаря Вам только снова были вместе, нам и в голову не приходило, что через 6 мес<яцев> снова придется утруждать Вас.

Податель сего знает и общее положение и состояние здоровья жены, которое здесь благодаря суровости климата ухудшилось, и половину зимы она проболела.

Дело в том, что 1 ноября, спустя 2 недели после приезда жены, меня вновь неожиданно и без объяснения причин "перевели" из Кзыл-Орды в Кустанай. И это несмотря на то, что я работал под непосредственным руководством председ<ателя> СНК т<оварища> Нурмакова, который считал меня "незаменимым". Однако он поехал на доклад Правительству в Москву, меня в это время выслали. Мотивировка была кратка: "для пользы дела!" Безусловно, я ничего преступного не совершил, т<ак> к<ак> был вдвое осторожен, нигде не бывал и не имел знакомых. Перед этим перенес тиф и был выслан, не оправившись и не имея теплых вещей.

Дорогой вновь простудился, и благодаря этому нас обокрали, вытащив у меня все деньги. Приехав без копейки, уместились в сыром полуподвале, и жена слегла.

Потом я устроился на службу, но здесь не повезло, и только около мес<яца> прослужил в исполкоме. Затем, как и сейчас, перебивался частной работой, жена получила уроки нем<ецкого> языка в школе, получая 50 р<ублей>. Но у меня двое детей в Москве, и дочь (15 л<ет>), наверно, была у Вас. Положение их очень тяжелое, т<ак> к<ак> их мать (моя первая жена), по полученным сведениям, была в больнице для душевнобольных.

Я устал и измучен. Когда же наступит конец этим безвинным и тяжелым страданиям? Ведь мы не преступники. Мы ни в чем не повинны! И здесь в глуши мы ведем даже общест<венную> работу. Я, например, в рабочем клубе делал несколько докладов публичных, в том числе 2 о литерат<урном> творчестве Горького (все бесплатно). Писал в краевой газете, работал в ОСОАВИАХИМе. Какие же мы к<онтр>революционеры, шпионы? До сих пор мне не сказали, за что сидел в тюрьме больше 9 мес<яцев> и уже год в ссылке! И не скажут (так мне здесь объявили).

Два заявления Ворошилову, Каменеву остались без ответа. Местное ГПУ относится к нам безукоризненно и посоветовало просить Коллегию об освобождении. Мы подали в конце декабря. Нам отказали, несмотря на то, что, вероятно, местное ГПУ поддерживало нашу просьбу. По нашим сведениям, меня не имели права вновь ссылать. Когда этому будет конец? Ведь прошло почти 2 г<ода> наших мытарств по тюрьмам, этапам и двум уже высылкам. Боимся новой...

Поэтому и жена, и я просим Вас не отказать вновь придти на помощь и просить: 1) о нашем освобождении, т<ак> к<ак> пробыли $\frac{2}{3}$ срока, 2) о применении амнистии, что будет почти то же, но менее утешительно, т<ак> к<ак> мы ни в чем не повинны, 3) в крайнем случае о разрешении выехать <по> -6, т<ак> к<ак> это даст возможность вырваться из этой дыры, климат который не может перенести жена, и даст вместе с тем возможность устроиться и взять детей. Как востоковед, хотел бы ехать в Ташкент. Простите за беспокойство и позвольте вновь заранее принести

нашу общую благодарность, т<ак> к<ак> знаем Ваше великодушие, слава о котором проникло во все закоулки, где есть ссыльные.

Е. П. Ильин»⁸.

В июле 1929 — был получен отказ властей на ходатайство ПОМПОЛИТА о применении к нему амнистии. 28 марта 1930 — Евгений Павлович Ильин и Софья Александровна Зубковская были вывезены в Ленинград и заключены в тюрьму.

9 апреля 1930 — Евгений Павлович Ильин был приговорен к 10 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения.

29 июля 1930 — Софья Александровна Зубковская приговорена к ограничению проживания на 3 года в шести пунктах (-6), но не была освобождена. 15 ноября приговорена к ограничению проживания на 3 года в трех пунктах (-3), но 20 декабря отправлена в лагерь в Мурманской области. 14 апреля 1931 — переведена в лагерь в Кемь, работала техником в зубном кабинете.

В августе 1931 — Софья Александровна Зубковская вновь просила помощи Екатерины Павловны Пешковой.

«г<ород> Кемь
22/VIII - 1931

Глубокоуважаемая и добрейшая Екатерина Павловна, снова после 28 года обращаюсь к Вам с убедительнейшей просьбой не отказать придти мне и моему мужу, которого Вы знали по Всеобучу, Евгению Павловичу Ильину, на помощь. Как вам известно, мы были арестованы в 27 г<оду>, сосланы в Казахстан, я в Тобольский округ, с<ело> Уват. Мы тогда обратились к Вам, и Вы нас соединили, чего мы до смерти не забудем. Бесконечно Вам благодарны. Жили мы в г<ороде> Кустанае (Казахстан), служили, за 2 месяца до окончания срока нас привезли снова в Л<енин>град в ДПЗ, якобы, для реабилитации 28/III-30 г<ода>. Через 4 месяца 29/VII мне прочитали постановление Моск<овской> Коллегии -6, но не отпустили домой. 15/XI-30 г<ода> было объявлено особоуполномоченным о замене мне -6 минус<ом> 3; и опять не выпустили, а 10/XII-30 г<ода> объявили мне приговор (пост<ановление> ЦИК от 9/VI-30) — к<онц>л<агерь>. 20/XII меня отправили на ст<анцию> Лоухи Мурм<анской> ж<елезной> д<ороги>, а 16/I-31 г<ода> отправили меня обратно в Л<енин>град, где 8/III-31 г<ода> объявили мне о досрочном освобождении через ВЦИК. 14/IV-31 г<ода> меня отправили сюда. 24/IV-31 г<ода> я была на Конт<рольной> лечеб<ной> комиссии, признавшей у меня миокардит с отеком ног и туберкулез легких. Я работала здесь в г<ороде> Кемь при Зуб<ном> кабинете мед<ицинским> техником. Я подала заявление Гл<авному> Прок<урору> Респ<ублики> т<оварищу> Крыленко через УРО 4/IV сего года. Что дальше будет, не знаю. Ведь нового проступка я никакого не совершила, лишь в 18 году отправила в Бессарабию письмо своей матери нелегальным путем. За это я была выслана на Урал на 3 года. Почему меня продолжают наказывать, за что? Ведь я ничего не сделала, теряю окончательно здоровье. Мой муж, Евген<ий> Павл<ович> Ильин, получил 10 лет к<онц>л<агерь>. За что? Мы форменные мученики, совесть у нас чиста. Имущество у нас по приговорам не конфисковали, между тем домоуправление (Л<енин>град, Советский, 36, кв. 15) разбросало наше имущество по чужим комнатам. Я дала доверенность своей родственнице Нине Платоновне Лазаревой (Мойка, 28, кв. 14) на получение нашего имущества. Домоуправление не

⁸ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 330. С. 51-52. Автограф.

отдает его; все мои домашние фотографии они украли, а также всякую мелочь. Где найти защиту? Мы связаны по рукам и ногам.

Умоляю Вас, добрейшая Екатерина Павловна, помочь нам советом или чем найдете возможным, чтобы хоть мое заявление дошло до т<оварища> Крыленко. Меня упрекают в том, что я голодала 10 дней в ДПЗ смертельной голодовкой в сентябре 30 г<ода>, но я была доведена до полного отчаяния. Искренно извиняюсь за причиненное Вам беспокойство и надеюсь на Ваше неоднократное к нам теплое участие. У Евг<ения> Павл<овича> открылся активный туберкулез, а ведь он был очень крепкого здоровья. Он руководит здесь в окрестностях исследовательскими топограф<ическими> партиями и убит горем за меня, детей и себя.

Крепко, крепко Вас целую и еще тысячу раз благодарю Вас за Ваше к нам участие в 1928 г<оду> (августе), когда Вы посодействовали нашему соединению. Евг<ений> Павл<ович> был в Казахстане, я в Тобольском округе. Здешний климат нас убивает. О юге не смеем мечтать.

Глубоко Вас уважающая и любящая

Софья Александровна Ильина-Зубковская, урожд<енная> Стюарт

Если найдете необходимым или возможным передать мое заявление, то буду Вам очень благодарна»⁹.

⁹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 666. С. 246. Автограф.